

Д.С. БЕРЕСТОВСКАЯ

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЕ ИНТЕНЦИИ ГЕРОИЧЕСКОГО В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Диана Сергеевна Берестовская,

Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского
Таврическая академия,
кафедра культурологии, профессор
Академика Вернадского просп., д. 4,
Симферополь, Республика Крым, 95000, Россия

доктор философских наук, профессор
E-mail: verynya.58@gmail.com

Реферат. *Тексты культуры, выступающие в качестве «генераторов смысла», Ю.М. Лотман в своем труде «История и типология культуры» связывает с проблемой памяти, которая помогает реконструировать историю культуры по ее синхроническим срезам.*

Исследование раннего творчества Л.Н. Толстого позволяет судить об образном характере философско-этических интенций категории героического, нашедших отражение в теме «человек и война».

Категория героического отражена в концепции античных философов – Платона («Диалоги»), Аристотеля («Этика», «Поэтика»), в трактате Дж. Бруно («О героическом энтузиазме»), в философии Г.В.Ф. Гегеля («Эстетика») и др. В контексте развития идеи «человек и война» и выявления интереса Л.Н. Толстого к античной философии цель статьи – исследовать воплощение этих интенций в творчестве великого пи-

сателя, отметить своеобразные «отзвуки» его мыслей о справедливости, мужестве или трусости в бою на примерах его произведений (рассказ «Набег», «Кавказские рассказы» и др.). Особого внимания заслуживают «Севастопольские рассказы», созданные в период Крымской (Восточной) войны офицером-артиллеристом, служившим на самом опасном месте Севастопольской обороны (Четвертом бастионе), – Л.Н. Толстым. В них раскрывается суть «истинной» и «ложной» храбрости, взаимоотношение солдат-артиллеристов, младших офицеров, тема подвига и другие проблемы, что впоследствии будет развито в романе-эпопее «Война и мир». Актуальными являются тема традиций (от Платона до Г.В.Ф. Гегеля), развитие идей Л.Н. Толстого, анализ поведения человека в ситуации смертельной опасности, проблема героического и трагического, отраженные в «военной» прозе писателей – участников Великой Отечественной войны: Ю.В. Бондарева, В.В. Быкова, Г.Я. Бакланова, В.О. Богомолова, К.Д. Воробьева, К.М. Симонова и др.

Ключевые слова: интенция, категория героического, человек и война, «истинная» и «ложная» храбрость, Л.Н. Толстой, традиция, наследие.
Для цитирования: Берестовская Д.С. Философско-этические интенции героического в раннем творчестве Л.Н. Толстого // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 592–598. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-592-598.

Каждая эпоха имеет свои причины, активизирующие интерес к прошлому, память о прошлом. Трансляция культурных ценностей, вовлечение в информационный оборот современности — одна из задач формирования культурной идентичности народов, населяющих Россию.

В числе нетленных ценностей нашего наследия — творчество великих предшественников — создателей русской культуры, которые и сегодня дают нам уроки нравственности и понимания глубокого смысла бытия. Среди них великий русский писатель Лев Николаевич Толстой, 190-летний юбилей которого отмечался в 2018 году.

Целью нашей работы является анализ философско-этических интенций (от лат. *intentio* — намерение, тенденция, стремление — направленность сознания, мышления на какой-либо предмет [1, с. 183]) категории героического в ранних произведениях Л.Н. Толстого, связанных с военной темой: период участия писателя в военных кампаниях на Кавказе и, главное для нашего исследования, — в Крымской войне, в Севастополе, на Четвертом бастионе.

Выяснение этой проблемы чрезвычайно важно для понимания мировоззрения молодого Л.Н. Толстого, его глубокого интереса к процессу формирования личности человека, стремления понять себя, свои возможности переносить экстремальные ситуации в непростых исторических событиях, происходивших в России, и, как начинающему писателю, — свои способности создавать тексты русской прозы, продолжающей развивать традиции гениальных предшественников.

Актуальность указанной темы имеет и иные основания. События Крымской войны (1853–1856), в которых участвовал Лев Николаевич Толстой, по своему значению соотносимы с Великой Отечественной войной (1941–1945), с проблемами героизма и патриотизма в условиях смертельной опасности, когда решается судьба не только отдельной личности, но и народа, и государства.

Делаются попытки «переписать» значение событий Великой Отечественной войны, дискредитировать героическое начало советского народа, прославить не защитников Родины, а захватчиков, доказать случайный характер поражения

германской армии и т. д. В этой ситуации особое значение приобретают произведения участников военных действий, воплотивших тему «человек и война». Это и Л.Н. Толстой, участник военных событий на Кавказе, в Крымской (Восточной) войне, и те, кто прошел Великую Отечественную войну солдатами, младшими офицерами и лишь впоследствии обратился к литературному творчеству: Ю.В. Бондарев, Г.Я. Бакланов, В.В. Быков, К.Д. Воробьев, А.М. Адамович; военные корреспонденты — К.М. Симонов, В.С. Гроссман — список можно продолжить.

В своих произведениях они решали нравственные проблемы в ситуации «человек и война»: поведение в обстановке смертельной опасности, сущность мужества, истинного и ложного (т. е. показной храбрости), формирование героического характера, за что в 1950-е гг. были обвинены официальной критикой в «окопной» правде... К сожалению, сегодня, в XXI в., многие из них забыты...

Отметим, что к нравственным проблемам, выделенным нами, обращались философы — от античности до наших дней. Прежде всего, это Платон и Аристотель, которые рассматривали сущность мужества, героизма, что отразилось не только в теоретических интенциях, но и в их художественном творчестве.

Героизм (от греч. *heros* — герой) как особая форма человеческого поведения, характеризующегося выдающимися по общественному значению действиями, принадлежит к числу важнейших духовных ценностей человечества, формирование которых относится к глубокой древности. Уже в мифах, сказаниях, легендах отразилось восхищение героическими подвигами, мужеством и силой человека, способного на самопожертвование во имя высоких целей, счастья людей. Героическое рассматривалось в рамках концепции личности как проблема активности субъекта, его свободы и ответственности.

Античные философы отождествляли героизм с мужеством, объединяли в рамках этого понятия справедливость, здравомыслие, благочестие, мудрость, знание, бескорыстие, самопожертвование. Платон в «Диалогах» утверждал, что подлинным героем считается тот, кому свойственна политическая мудрость, самоотверженность в подвигах, законное поведение, благородное воспитание: «Мы утверждаем, что

хороший — это разумный и *мужественный*. <...>
А что *плохой* — это неразумный и *трусливый*»
(курсив мой. — Д. Б.) [2, с. 541].

Отметим те идеи, которые найдут свое развитие в теории и художественной практике последующих эпох:

◆ *мужество, героизм* — одни из высших добродетелей человека;

◆ *нравственные основы мужества — патриотизм*, осознание общественных интересов, чувство долга;

◆ *мужественный человек совершает героические поступки* во имя прекрасных целей, выбор его свободен;

◆ *истинная храбрость*, сочетающаяся с мудростью, знанием, соразмерностью, противопоставляется *ложной*, показной, которая приравнивается к *трусости*;

◆ *героическое* находится во взаимосвязи с *трагическим*, герои, падшие на поле боя, *бессмертны*.

Один из титанов Возрождения — Джордано Бруно — в трактате «О героическом энтузиазме» (1585), продолжая диалогическую традицию философии Платона, раскрывает свою позицию через беседу Тансилло и Чикада. Первый, рассуждая о нравственных основах подвига, приходит к выводу: «Нет сомнения, что лучше достойная и героическая смерть, чем недостойный и подлый триумф» [3, с. 29]. Эту мысль продолжает в поэтической форме другой участник рассуждения:

*С небес не страшно падать мне!
Лечу сквозь тучи и умру спокойно.
Раз смертью рок венчает путь достойный*
[3, с. 29].

Концепция героического нашла свое воплощение в философии Г.В.Ф. Гегеля, который, рассматривая развитие общества, обращается к проблеме героического. Размышляя о взаимосвязи героического и трагического, о сущности последнего, Г.В.Ф. Гегель приходит к выводу о бессмертии истинного героя, ибо его трагическая гибель означает сохранение в преобразованном виде того, что в данной форме должно погибнуть. В «Философии духа» мыслитель заключает: «Только посредством борьбы <...> может быть завоевана свобода» [4, с. 221].

Обращаясь к природе художественного образа, Г.В.Ф. Гегель утверждал, что образ «ставит перед нашим взором вместо абстрактной сущности конкретную её *реальность*» (курсив мой. — Д. Б.) [5, с. 194]. Он подчеркивал, что в художественном произведении содержание должно быть представлено «не в его всеобщности», а иметь «чувственно единичный характер», если же, пренебрегая этим принципом, писатель будет раскрывать «всеобщность с целью дать ей абстрактное поучение», то художественное произведение потеряет свою целостность. В таком произведении форма и содержание «не вытекают друг из друга. Чувственно единичное и духовно всеобщее становятся внешними друг другу» [6, с. 75].

Таким образом, Г.В.Ф. Гегель выделяет следующие закономерности в развитии и осмыслении категории героического:

◆ социальная и историческая детерминированность героических характеров;

◆ обусловленность героизма демократическими формами общественной жизни;

◆ оценка героического характера, исходя из «взаимопроникновения *индивидуального* и *всеобщего*», из высокой *гражданской* цели, во имя которой действует личность;

◆ проявление диалектики конечного и бесконечного в *бессмертии героя*, трагически погибшего в борьбе.

Несомненный интерес представляют рассуждения об истинном героизме, о сущности героического характера. Главное в нем — «...в единстве и взаимопроникновении *индивидуального* и *всеобщего*» [6, с. 189]. Это «самостоятельный, крепкий и цельный характер» [5, с. 197], который действует «по собственному выбору, по собственной воле» [6, с. 195] (курсив мой. — Д. Б.).

Проблема героического и трагического в теме «человек и война» получила свое развитие уже в древнерусской литературе: «Слово о полку Игореве», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина» и другие; романтические военные повести и романы А.А. Бестужева-Марлинского, поэмы и «Думы» К.Ф. Рыльева, проза и поэзия А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и, наконец, творчество Л.Н. Толстого, участника двух военных кампаний: на Кавказе и в Крыму — оборона Севастополя, Крымская (Восточная) война.

Дневниковые записи, письма, ранние рассказы писателя посвящены исследованиям поведения человека на войне, решению нравственных проблем в ситуациях смертельной опасности. Л.Н. Толстой поставил цель изображать войну «не в правильном и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а... в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти...» [7, с. 9]. Размышляя о нравственных основах поведения человека в бою, писатель обращается к мысли древних — читает «Диалоги» Платона, задумывается над его определением храбрости, знакомится с биографией Сократа. В дневниковой записи от 2 января 1852 г. читаем: «Платон говорит, что добродетель составляет три качества: *справедливость, умение и храбрость*» (курсив мой. — Д. Б.) [8, с. 241]. В черновом наброске рассказа «Набег» слова Платона «Храбрость есть наука того, что нужно и чего не нужно бояться» — он выносит в эпиграф [9, с. 226].

Несомненный отзвук платоновских мыслей о том, что мужество и бесстрашие не всегда совпадают, так как «...мужество — это разумная стойкость», и нельзя «...называть мужественными ни зверей, ни какое-либо существо, не страшась опасности по неразумению и поэтому бесстрашное и глупое», например, «детей, которые по неразумению ничего не страшатся» [10, с. 289], слышится в рассуждениях Л.Н. Толстого. Можно ли назвать храбрым коня, боящегося плети и отважно бросающегося с кручи, ребенка, бегущего в лес из-за боязни наказания, «человека, который из страха общественного тщеславия» убивает или подвергает себя опасности? [9, с. 229].

Тонкий аналитик и вдумчивый наблюдатель, Л.Н. Толстой различает два вида храбрости — «моральную», истинную, «которая происходит от сознания долга», и «физическую», которую определяет «сознание опасности», «физической необходимости» [8, с. 64], т. е. «ложную». В записи из дневника от 12 июня 1851 г. он приводит примеры двух видов храбрости: 1) «человек, добровольно жертвующий собой для спасения отечества или лица»; 2) «офицер, служащий для выгод» [8, с. 64].

Соглашаясь с Платоном в основных положениях, Л.Н. Толстой вносит в определение

храбрости новое: «Храбрость есть способность человека подавлять чувство страха в пользу чувства более возвышенного». Но писатель продолжает свои рассуждения: «Правда, решить рассудком, какое чувство возвышеннее другого, невозможно: на это есть в нас внутренний голос, который никогда не обманет» [9, с. 239].

Этот «внутренний голос» — высокая «побудительная причина», ведущая к героическим деяниям, находит замечательное воплощение в «Севастопольских рассказах», где Л.Н. Толстой воспекает истинный героизм и патриотизм, определенный им как «высокая побудительная причина» героических действий [7, с. 16], ведущая на подвиг во имя Отечества. Великий писатель раскрывает сущность человека в ситуациях смертельной опасности через «внутренний диалог», приводит своих героев к проблеме выбора: «В каждой опасности есть выбор, сделанный под влиянием благородного или низкого чувства, не есть ли это то, что должно называться *храбростью* или *трусостью*?» (курсив мой. — Д. Б.) [9, с. 229].

Примеры, являющиеся ответом на поставленные вопросы, Л.Н. Толстой приводит в рассказе «Набег», который производит впечатление записок военного корреспондента, — понятие «храбрость» получает образное воплощение. Противопоставлены два «героя». С одной стороны, капитан Хлопов, и облик, и действия которого лишены всяких аффектов. Он не произносит громких слов, не совершает красивых, но ложных поступков. В его поведении всё просто и естественно. Он разделяет опасности боя с солдатами, не допуская их бессмысленной гибели. Писатель отмечает в натуре Хлопова простоту и истину. «Вот кто истинно храбр, — сказало мне неволью» [9, с. 229]. Нетрудно провести линию к капитану Тушину, герою романа «Война и мир»: истинная храбрость воина, высокая человечность, патриотизм. Хлопову противопоставлен поручик Розенкранец, который, лихо бравирюя, скачет от одного конца цепи к другому, выставляя напоказ свою храбрость.

Подобные примеры мы видим и в «Севастопольских рассказах», и в эпосе «Война и мир». Так, старый солдат-артиллерист («Севастопольские рассказы») «наводил» свою пушку на лагерь противника, но, переходя к другой амбразуре, получил тяжелую рану — лишился

ноги. Когда его уносят с поля боя, он останавливает носилки, для того, чтобы посмотреть на залп нашей батареи (ведь это он «наводил» орудие!). Выйдя из госпиталя, стремится вернуться на батарею учить молодых.

Л.Н. Толстой подробно описывает Четвертый бастион, на котором служил сам и проявил, как свидетельствует «Наградной список», «хладнокровие и распорядительность». Брату Лев Николаевич писал: «Во времена древней Греции не было столько геройства» [9, с. 228]. Так, молодой капитан Михаил Козенцов со знаменем в руках ведет солдат на наступающих французов и получает смертельное ранение... Умирая, он верит в победу (хотя, замечает автор, на Малаховом кургане развеивается французский флаг).

Противопоставлены этим героям некоторые высокопоставленные офицеры — Калугин, Гальцин и другие. Приведем диалог названных персонажей: оба понимают, что лгут, но продолжают играть определенные роли, скрывая свою трусость и ничтожество. «Однако не пойти ли мне на эту вылазку? — сказал князь Гальцин после минутного молчания, содрогаясь при одной мысли быть там во время такой страшной канонады и с наслаждением думал о том, что его в никаком случае не могут послать туда ночью» (курсив мой. — Д. Б.) [11, с. 32].

Истинным героем своих произведений великий писатель считал «правду»! Он ставил и решал, как мы уже отмечали, задачи: изображать войну «...в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти...» [7, с. 16].

«Уроками Толстого» — назвали его творчество писатели иного поколения — участники Великой Отечественной войны. Ю.В. Бондарев отмечал, что «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого вобрали «в себя суровую сущность Крымской войны, бесподобного подвига», «проложили путь к непревзойденному шедевру — эпопее “Война и мир”» [12]. Героический характер, поставленный в «предельные ситуации» (термин Ю.В. Бондарева), на грани бытия и небытия, способен на проявление самых возвышенных свойств личности. Именно здесь находит свое воплощение диалектика свободы и необходимости. Героическое в этой ситуации сочетается с трагическим. Жизнь — смерть — бессмертие — такова линия развития

трагического характера: «переход гибели в воскресение» — как писал еще Г.В.Ф. Гегель. Философ разработал теорию «трагической вины», связанную с его положением о свободе действий классического героя, осознающего необходимость единения с обществом. Такой герой обладает «внутренней свободой», что обуславливает «внешнюю» — свободу действий, активность по отношению к обстоятельствам. А это дает возможность выбора пути, направления действий.

В гегелевской категории «трагической вины» запечатлена личная ответственность героя за его свободные действия вопреки грозному состоянию мира. Трагический герой — целостный характер. Он, считает Г.В.Ф. Гегель, обрекает себя на гибель, если «не может отступить от себя и своего намерения» [4, с. 578]. Таковы многие герои произведений писателей — участников Великой Отечественной войны, наследующих традиции Л.Н. Толстого. Это повесть К.Д. Воробьева «Убиты под Москвой» — образ капитана Рюмина [13]; Г.Я. Бакланова — «Мёртвые сраму не имут» [14]; повесть В.В. Быкова «В тумане» [15] и др.

Аристотель, как уже было отмечено, разработавший теорию трагедии, считал ее задачей вскрытие основ явлений, познание их через страдание, ведущее к очищению. Трагедия, писал Аристотель, есть подражание не только законченному действию, но также и страшному, и жалкому, а последнее происходит особенно тогда, когда случается, неожиданно, и еще более, если случится «вопреки ожиданию и одно благодаря другому» [16, с. 70].

В повести К.Д. Воробьева «Убиты под Москвой» трагически погибает рота курсантов. Произведение отражает судьбу самого автора: кремлевским курсантом он попал в плен, бежал, руководил отдельной партизанской группой. В гибели роты не был виноват капитан Рюмин, но чувство ответственности, понимание сущности непоправимости ситуации приводит к несчастливому концу: капитан сам обрекает себя на гибель. Драматичные ситуации раскрываются и в повести В.В. Быкова «В тумане» (трагедия главного героя Сушени) и других произведениях.

Г.В.Ф. Гегель писал, что личности в героической и трагической ситуации — это «характеры высокие, абсолютно определенные»,

исполненные нравственной мощи, имеющие «нравственное право совершать определенное деяние» [6, с. 588].

Таким образом, творчество Л.Н. Толстого, отразившее тему «человек и война», произведения писателей — участников Великой Отечественной войны, развивавшие традиции Л.Н. Толстого, имеют глубокое философское обоснование, обусловленное сложностью и неоднозначностью самой действительности, судьбами человека и Родины. Анализ российской прозы, посвященной трудным, противоречивым событиям жизни страны, дает возможность познать силу и глубину толстовской традиции, что подтверждает масштабность, высокую образность российской литературы, посвященной теме «человек и война».

Слова писателя А.М. Адамовича — «на бессмертной передовой» — можно отнести ко многим произведениям этой тематики, авторы которой стремились к обнажению исторической правды — героических и трагических страниц нашей истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Философско-энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. Москва : ИНФРА-М, 1997. 576 с.
2. Платон. Горгий // Собр. соч. : в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и др. Москва : Мысль, 1990. Т. 1. С. 477–577.
3. Бруно Дж. О героическом энтузиазме / [пер. с итал. С.Ф. Васильева]. Москва ; Ленинград : Гостехиздат, 1933. 212 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Эстетика : в 4 т. Москва : Искусство, 1971. Т. 3. 627 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Соч. : в 14 т. Москва : Изд-во соц.-экон. литературы, 1958. Т. 14. Кн. 3. 440 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Эстетика : в 4 т. Москва : Искусство, 1968. Т. 1. 312 с.
7. Толстой Л.Н. Севастополь в декабре месяце // Полн. собр. соч. 1928–1958. Москва : Гослитиздат, 1935. Т. 4. С. 3–17.
8. Толстой Л.Н. Дневник (1847–1854) // Полн. собр. соч. 1928–1958. Москва : Гослитиздат, 1937. Т. 46. С. 1–242.
9. Толстой Л.Н. Варианты из рукописных редакций «Набега» // Полн. собр. соч. 1928–1958. Москва : Гослитиздат, 1935. Т. 3. С. 218–240.
10. Платон. Лахет // Собр. соч. : в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и др. Москва : Мысль, 1990. Т. 1. С. 268–294.
11. Толстой Л.Н. Севастополь в мае // Полн. собр. соч. 1928–1958. Москва : Гослитиздат, 1935. Т. 4. С. 18–59.
12. Бондарев Ю.В. Рубежи // Собр. соч. : в 6 т. Москва : Художественная литература, 1986. Т. 6. С. 50–64.
13. Воробьев К. Убиты под Москвой // Повести и рассказы. Москва : Советская Россия, 1980. С. 103–159.
14. Бакланов Г.Я. Мертвые сраму не имут. Москва : Советская Россия, 1966. 109 с.
15. Быков В. В тумане : повесть. Москва : Советский писатель, 1989. 334 с.
16. Аристотель. Об искусстве поэзии / [пер. с древнегреч. В.Г. Аппельрота]. Москва : Гослитиздат, 1957. 183 с.

Philosophical and Ethical Intentions of the Category of Heroic in L.N. Tolstoy's Early Works

Diana S. Berestovskaya

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 4, Akademika Vernadskogo Av., Simferopol, Crimea, 95000, Russia
E-mail: verynya.58@gmail.com

Abstract. *Texts of culture, which act as “generators of meaning”, are associated by Yu.M. Lotman, in his work “The History and Typology of Culture”, with the problem of memory that makes possible the reconstruction of the history of culture from its synchronic slices. The study of L.N. Tolstoy's early works allows to judge the figurative character of the philosophical ethical intentions of the category of heroic that were embodied in the topic of “man and war”.*

The category of heroic is reflected in the concept of ancient philosophers — Plato (“Dialogues”),

Aristotle (“Ethics”, “Poetics”), in the treatise by G. Bruno (“The Heroic Frenzies”), in the philosophy of G.W.F. Hegel (“Aesthetics”), and others. In the context of developing the idea of “man and war” and revealing Leo Tolstoy’s interest in ancient philosophy, the article aims to explore the embodiment of these intentions in the works of the great writer and to note the peculiar “echoes” of his thoughts about justice, courage or cowardice in battle by the examples of his works (the story “Raid”, “Caucasian Stories”, and others). Special attention should be paid to “Sevastopol Stories” created during the Crimean (Eastern) War by L.N. Tolstoy, an artillery officer who served in the most dangerous place of the Sevastopol defense (the 4th bastion). They reveal the essence of “true” and “false” courage, the relations between artillery soldiers and junior officers, the theme of the feat and other problems, which was later developed in the epic novel “War and Peace”.

The article actualizes the issue of traditions (from Plato to Hegel), the development of Leo Tolstoy’s ideas, the analysis of human behavior in a situation of mortal danger, the problem of the heroic and the tragic, reflected in the “military” prose of writers – participants of the Great Patriotic War: Yu.V. Bondarev, V.V. Bykov, G.Ya. Baklanov, V.O. Bogomolov, K.D. Vorobyov, K.M. Simonov, and others.

Key words: intension, heroic, man and war, “true” and “false” courage, L.N. Tolstoy, tradition, heritage.

Citation: Berestovskaya D.S. Philosophical and Ethical Intensions of the Category of Heroic in L.N. Tolstoy’s Early Works, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 5, pp. 592–598. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-592-598.

References

- Gubsky E.F., Korableva G.V., Lutchenko V.A. (eds). *Filosofsko-entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical and Encyclopedic Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 1997, 576 p.
- Plato. Gorgias, *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected Works: in 4 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1, pp. 477–577 (in Russ.).
- Bruno G. *O geroicheskom entuziazme* [The Heroic Frenzies]. Moscow, Leningrad, Gostekhizdat Publ., 1933, 212 p.
- Hegel G.W.F. *Estetika: v 4 t.* [Aesthetics: in 4 volumes]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1971, vol. 3, 627 p.
- Hegel G.W.F. Lectures on Aesthetics, *Soch.: v 14 t.* [Works: in 14 volumes]. Moscow, Sots.-Ekon. Literatury Publ., 1958, vol. 14, book 3, 440 p. (in Russ.).
- Hegel G.W.F. *Estetika: v 4 t.* [Aesthetics: in 4 volumes]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968, vol. 1, 312 p.
- Tolstoy L.N. Sevastopol in December, *Poln. sobr. soch. 1928–1958* [Complete Works. 1928–1958]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1935, vol. 4, pp. 3–17 (in Russ.).
- Tolstoy L.N. The Diary (1847–1854), *Poln. sobr. soch. 1928–1958* [Complete Works. 1928–1958]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1937, vol. 46, pp. 1–242.
- Tolstoy L.N. Variants from the Manuscript Versions of “The Raid”, *Poln. sobr. soch. 1928–1958* [Complete Works. 1928–1958]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1935, vol. 3, pp. 218–240 (in Russ.).
- Plato. Laches, *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected Works: in 4 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1, pp. 268–294 (in Russ.).
- Tolstoy L.N. Sevastopol in May, *Poln. sobr. soch. 1928–1958* [Complete Works. 1928–1958]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1935, vol. 4, pp. 18–59 (in Russ.).
- Bondarev Yu.V. Borders, *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected Works: in 6 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1986, vol. 6, pp. 50–64 (in Russ.).
- Vorobyov K. Killed near Moscow, *Povesti i rasskazy* [Novels and Stories]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1980, pp. 103–159 (in Russ.).
- Baklanov G.Ya. *Mertvye sramu ne imut* [The Dead Have No Shame]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1966, 109 p.
- Bykov V. *V tumane: povest'* [In the Fog: story]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1989, 334 p.
- Aristotle. *Ob iskusstve poezii* [On the Art of Poetry]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957, 183 p.